

Юлия Климова

По ступенькам декабря

«Юлия Климова»

2010

Климова Ю. В.

По ступенькам декабря / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2010

ISBN 978-5-699-45737-3

Еще совсем недавно Алька готовилась к свадьбе, конечно же, с лучшим парнем на свете, но ситуация, увы, резко изменилась... Мечта о скором браке рухнула, и на новогоднюю вечеринку пришлось идти без жениха. Танцуют однокурсники, сверкают гирлянды, переливается разноцветными шарами елка, но Альке совсем не весело. И кто должен исправить ситуацию? Кто совершит чудо? Возможно, это под силу только особенному, волшебному мужчине и только накануне особенной, волшебной новогодней ночи.

ISBN 978-5-699-45737-3

© Климова Ю. В., 2010

© Юлия Климова, 2010

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Климова

По ступенькам декабря

Ткаченко Анне

Береги талисман!

(На этом месте должна быть целая куча улыбок #.)

«Она не знала, что делать: хлопнуть дверью или... Он окружил ее со всех сторон, этот непоседливый Зубр, который вечно идет с севера на юг, не разбирая дороги и ни перед чем не останавливаясь, идет потому, что его ведет вперед непреходящее беспокойство».

Юрий Яковлев, «Гонение на рыжих»

История про Деда Мороза и Снеговика. Подлинная или нет, никто не знает. А если и подлинная, то где и в каком году состоялся их разговор – тоже неизвестно. Возможно, на Северном Полюсе или в Великом Устюге? Возможно... Но, как показывает практика, самое удивительное и волшебное всегда происходит рядом, практически за углом...

Здравствуй, дорогой Дедушка Мороз!

Пишут тебе Гусев Витя, Иванов Коля, Матвеев Саша и Курочкин Петя. Мы очень долго ждали, когда же наступят холода, когда же посыплется с неба пушистый снег, а магазины украсят мишурой и разноцветными лампочками. Зима – самое красивое время года. Впрочем, Дедушка, ты и сам об этом знаешь. И мы очень любим Новый год и всегда с нетерпением ждем того момента, когда можно будет помечтать о подарках, а лучше, конечно, поддержать их в руках.

Нам почему-то все твердят, что Деда Мороза не существует, но мы не верим и беспощадно боремся с теми, кто так говорит. Мы помним те сказочные моменты, когда ты клал нам под елочку книжки – вместо больших и блестящих машинок, конфеты – увы, шоколадных было мало, рубашки и шерстяные носки – жаль, не хоккейную клюшку или боксерские перчатки. И мы очень надеемся, что и в этом году ты не забудешь о нас.

Мы долго думали: чего же нам хочется? И пришли к выводу, что очень бы ты нас порадовал финансовым благополучием, это мы о банальных деньгах, дорогой Дед Мороз. Не завалялась ли в твоём мешке хорошая пухленькая премия, которая сделает нас абсолютно счастливыми и докажет злым и нехорошим людям, что на свете всегда есть место сказке...

Спасибо, Дедушка, за то, что ты у нас есть. Передавай привет Снегурочке.

Твои повзрослевшие

Витя, Коля, Саша и Петя.

– Н-да-а-а, – многозначительно протянул Дед Мороз, тяжело вздохнул, пригладил белую бороду и положил лист бумаги на стол. – Совсем народ одичал. И ведь каждый второй денег требует... Что мал, что велик... Н-да-а-а... А помнишь, какие письма раньше приходили?

– Помню, – буркнул в ответ Снеговик, по опыту зная, к чему приведет этот душевный разговор: расстроится старик, хорошенько ударит стужей по полям и лесам, нагонит снежных облаков на города, заморозит пару рек и ляжет спать на трое суток. А ты тут крутись-вертись юлой! Зайцы за морковью, между прочим, каждый день приходят, волки, как им и положено, подарки воруют, лисы переворот замышляют. Завтра еще Снегурочка вернется, а это дополнительные хлопоты. Тройку лошадей кормить надо? Надо! Да и новые мешки с письмами тоже сами до избы не дойдут. Какие тут могут быть депрессии? Не время.

– Здоровья для своих близких просили, мечтали освоить иные земли, в космос вот слетать тоже хотели...

– Так слетали уже, – усмехнулся Снеговик, надеясь сменить тему. – И не один раз. Давайте еще что-нибудь почитаем, а? – Он ткнул варежкой в небольшую стопку конвертов, занявшую место около коробки с елочными игрушками. – Обратите внимание на конверт со снегирем. Сверху лежит. Без сомнения, он от хорошего мальчика или девочки.

– Это с чего ты взял?

– А нам со снегирами всегда везло – примета у меня такая. Или краски ребенку нужны, или книга. Проверено!

Дед Мороз оставил предложение без внимания, подошел к окну, тяжело сел в потертое кресло и нахмурился, отчего на лбу образовались морщины.

– А еще любви просили... помнишь?

– Да будет вам, – фыркнул Снеговик, прощаясь с надеждами. Не-а, не угомонится старик, пока слезу из каждой березы не выжмет! Прошлый приступ ностальгии чем закончился? Весь лес рыдал, даже волки. Прав он, конечно, прав, но и людей понять можно... Жизнь-то другая пошла...

– Никакая не другая, – грозно произнес Дед Мороз, привычно угадав мысли своего помощника, и ворчливо добавил: – Ведро-то на голове поправь, умник. Съехало!

– Нам бы самим упряжь сменить, и сани уже вид потеряли... Двадцать третью заплатку вчера поставил, краска отваливается, и полозья ржавые, – ничуть не обидевшись, пользуясь случаем, поклянчил Снеговик. – Неприлично же.

– Нормальные сани.

– Неприличные.

– Нормальные.

– Неприличные.

Дед Мороз махнул рукой, мол, спорить с тобой бесполезно, и затих. Кустистые брови, усы, борода скрывали его мысли и чувства, но узорчатый иней, мало-помалу проступающий на окнах, выдавал настроение.

«Мудрует чего-то... – опасливо подумал Снеговик и убрал мешок с оставшимися письмами под стол. Работа на сегодня, похоже, закончилась, – мудрует...» Если бы в избу снега намело сантиметров на десять в высоту или, например, покосилось крыльцо от резкого порыва ветра с кусочками льдинок (по полкилограмма каждая), то тогда сценарий дальнейших событий был бы известен: лютая стужа, тяжелые облака, колючая метель, неподвижные реки и обида на три дня; но если узоры на стекле... Хм.

– Чудес раньше просили, волшебства... а сейчас ничего не ценят, не удивляются... А сказку-то никто не отменял... – тихо с блеском в глазах произнес Дед Мороз и добавил уже громко и требовательно: – Давай-ка сюда два елочных шара!

– Каких?

– Любых!

Снеговик заглянул в коробку и взял два простеньких шара: один красный, другой зеленый. На каждом была нарисована самая обыкновенная белая снежинка.

– Подойдут?

– Вполне. Садись и пиши, – Дед Мороз мгновенно подобрел, вытянул ноги в валенках и сцепил руки на животе. – Инструкция.

– Так и писать «инструкция»? – переспросил Снеговик без тени изумления. За годы службы он еще и не то повидал, а уж какие поручения выполнять приходилось... Первые месяцы было тяжело, очень растаять боялся (то от умиления, то от радости, то от шока), а потом ничего, привык, закалился.

– Да. Значит, инструкция! Где мой посох? Не видел? А то поколдовать же потом нужно.

– Около двери.

Дед Мороз поерзал немного в кресле, затем устремил мечтательный взгляд к потолку и принялся диктовать:

– *С шарами обращаться бережно, ибо ценности они немалой. Под Новый год при желании можно украшать ими елку... м-м... или еще что-нибудь. Каждый шар наделен особой силой и владельцу рано или поздно принесет либо счастье, либо несчастье...*

– Больно мрачно получается, какое еще несчастье? Это не наш профиль.

– Много ты понимаешь! Критик выискался! Чудеса – они всегда неспроста появляются, не на пустом месте произрастают, а через преграды, трудности, каверзы к солнцу тянутся... Не сбивай!

– Да мне-то что, – вновь взялся за шариковую ручку Снеговик.

– Далее... *Несчастливым станет тот, кто разобьет свой шар в гневе или по другой подобной причине. Специально то есть,* – Дед Мороз поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность момента. – *А счастливым станет тот, у кого шар разобьется случайно...* Разницу чувствуешь? – поинтересовался он на всякий случай.

– Чувствую, – подтвердил Снеговик. – И согласен: нечего наше добро зазря портить. Таскаешь на спине, таскаешь, а они поиграли и на следующий день забыли, или не понравилось и поломали...

– Это условие я для того добавил, чтобы волшебство получилось неожиданным, а то на радостях сразу бить начнут, – объяснил Дед Мороз. – Народ-то нетерпеливый, и, опять же, преграды требуются... – Он погладил бороду, поморщился. – И стишок какой-нибудь добавь, для атмосферы. На прошлой неделе на утреннике в двадцать четвертом садике очень хорошее стихотворение читала девочка Полина, вот его и запиши, как положено – посередине, столбиком. Шары упакуй да подбрось в какой-нибудь магазин – на полку, подальше в уголок... Будет им волшебство... Ох, будет.

– А как упаковать? В отдельные коробки?

– Нет, клади в одну, пусть сами разбираются, сами делят, раз такие умные. – Дед Мороз поднялся, подошел к двери, взял посох, стукнул им по полу и коротко, но торжественно произнес: – Повелеваю!

Белая пыльца мельчайших снежинок, появившаяся из ниоткуда, закружилась, замерцала, затем вытянулась в тонкую волнистую ленту и полетела к Снеговiku. Остановившись над шарами, превратилась в золотистое облако, сверкнула напоследок, плавно опустилась на шары и исчезла.

Дед Мороз удовлетворенно кивнул, вновь прислонил посох к двери и радостно потер руки – настроение после исполнения задуманного явно улучшилось. Наколдовал-то хорошо, правильные снежинки получились: малюсенькие, но задиристые...

– Апчихи! – чихнул Снеговик и схватился за морковку, служившую ему верой и правдой много лет. Да, а что здесь такого? У кого-то нос, а у кого-то морковка. – Апчихи!

– Будь здоров, – улыбнулся Дед Мороз. – И давай следующее письмо, то, что со снегирем.

Глава 1

Алька Воробьева и ее великая любовь

Дух противоречия – это сила! Можно бесконечно мечтать, строить планы, ставить цели и задачи, но так и не сдвинуться с места. Можно плыть по течению вялой реки, не пользуясь даже веслом, или непрерывно скучать и кукситься в ожидании чего-то интересного, нового и, конечно, необходимого как воздух. Где же?.. Когда же?.. Да, можно. Но если в душе – буря, если каждый день напоминает сражение, если вечный непокой постоянно толкает в спину, а главное – на свете есть человек, которому необходимо доказать слишком много, то поступки становятся быстрыми, слова острыми, и совершенно неизвестно, что случится завтра и чем это закончится.

В жизни решительной и дерзкой Альки такой человек был. Глеб Сергеевич Воробьев, ее отец. О, она бы никогда не призналась, что настолько нуждается в нем, что его мнение важно, что общения катастрофически не хватает... Дух противоречия давным-давно занял самые передовые позиции, и реальность воспринималась совсем под другим углом. Да и нелегко признаваться в слабостях, когда тебе уже двадцать два года и самостоятельность льется через край.

В раннем детстве Алька была любопытной, озорной, задиристой девчонкой, не терпящей вмешательства старших в свои важные дела. Самостоятельно одевалась и раздевалась, ела без лишних разговоров и редко морщила нос, говоря: «Я это не буду». Сlopает все, что на тарелке, и бежит воспитывать молодежь – разгонит в песочнице малышня по углам, придумает какую-нибудь игру, раздаст каждому роль (ты – зайчик, а ты – белочка). И в конце всегда получается, что она самая главная и к тому же победила.

Школьные годы были действительно чудесными – Аля ловила знания на лету, умнела на глазах и... доводила учителей до отчаяния.

Только бы папочку вызвали к директору.

И вызывали.

Но бесполезно.

Во-первых, Глеб Сергеевич не умел обращаться с детьми, а уж тем более с подростками. Процесс воспитания был для него китайской грамотой, которую к тому же залили кофе и чаем одновременно. «Да, понял, да, всыплю», – с чувством говорил он, лишал дочь карманных денег, телевизора, ругал для порядка пять минут и мгновенно забывал о произошедшем, переключившись на дела личного характера. Альке казалось, что отцу тоже не мешало бы всыпать разок, хотя бы за то, что на каждое светское мероприятие он берет не только ее, но и очередную секретаршу – обязательно высокую, красивую, фигуристую девушку в откровенном платье.

«Стой ровно, ни к кому не цепляйся», – обычно напутствовал Алю любимый папа перед входом в роскошный ресторан. А она и не цеплялась... поначалу. Бродила между столиков, кушала пирожные и танцевала ритмичные танцы бедуинов под изумленными взглядами присутствующих.

Отец оплатил обучение в МГУ, но она самостоятельно поступила в финансовую академию; он захотел, чтобы Аля выучила английский, а она обложила учебниками по французскому и через полгода бонжурила так, что любо-дорого слушать. Затем Глеб Сергеевич неожиданно понял, что дочка выросла, и захотел сделать из нее этакую барышню, которую не стыдно предъявить друзьям и знакомым. Посоветовавшись с очередной любовницей, он потащил Альку к стилисту. Она послушно пошла, но только для того, чтобы потом с особым удовольствием распрямить кудри и перекрасить русые волосы в яркий медный цвет. И красных прядок добавила, чтобы уж оглушить наверняка... Глеб Сергеевич побледнел, побагровел и

ухнул выразительное: «У всех дети как дети, а у меня чудовище!» – махнул рукой и нашел утешение в объятиях сексапильной секретарши. Альке срочно требовались новые горизонты...

Находясь в процессе написания диплома, она решила не терять времени даром – почему бы не устроиться на работу? Собственные деньги не помешают, да и времени свободного куча. Пока можно трудиться на благо фирмы папочки, а там видно будет...

Для начала она напросилась в бухгалтерию перебирать бумажки – занятие оказалось малополезным и скучным, однако у Альки хватало и других развлечений. Окружающие воспринимали ее со сдержанным недоумением и опаской (все же дочь генерального директора), а она охотно платила им той же монетой – привычно куролесила, загоняя недругов в тупик, и прекрасно себя чувствовала в любой роли. Три месяца пролетели незаметно, а потом случилась великая любовь...

– Я ему сама скажу, – бросила Алька, оборачиваясь к Костику. – Меня он точно не убьет, а вот за твою жизнь я не дам даже ломаного гроша.

* * *

Глеб Сергеевич Воробьев отдыхал. Похмелье – особое состояние, при котором противопоказано усиленно думать, производить какие-либо действия или принимать решения. Лучше лежать на прохладном кожаном диванчике, свесив руку, стонать и материть головную боль, а также дружков-одноклассников, которые вчера затащили в сауну, а потом в ресторан. Пять лет не виделись, и хорошо же было! Не скучали, не перезванивались, не задавали друг другу дурацких вопросов, не хвалились, как сороки на базаре. А тут втемяшилось одному в голову встретиться, и пошло-поехало! Кроватки, капусташка, зеленый лучок и водочка... Да чтоб ей пусто было! И зачем он вообще притащился в офис, да еще на машине? Директор... ага... директор... привык! Будто без него стиральный порошок и гель для унитаза по коробкам не распирают.

– Ой, мама дорогая, – жалобно пропел Воробьев, медленно поднимаясь. – Не пей, Андрюха, никогда не пей! Ой... – Остановив взгляд на графине с водой, он подошел, взял его и пузатым боком приложил к виску. – Наташка со мной теперь не разговаривает, осуждает... А я себе другую секретаршу найду – молчаливую и покладистую. Совсем девки обнаглели... Кто в доме хозяин?

– Просто помирись, – спокойно ответил Андрей, не оборачиваясь. Его внимание было приковано к карте России, припиленной к стене разноцветными кнопками. Ярославль, Иваново, Тверь, Владимир, Рязань и другие города оранжевыми пластмассовыми флажками сообщали о том, что на их территории находятся обособленные подразделения фирмы «Крона-Ка», и, соответственно, с бытовой химией у них все в порядке, потому что трудоголик Воробьев денно и нощно работает над расширением бизнеса. Контролирует буквально из последних сил! И ему нет равных даже в состоянии тяжелого похмелья.

– Полюбуйся, полюбуйся, – поддел Глеб Сергеевич, – пока ты по тундрам и Америкам разъезжаешь, я делом занимаюсь, свои и твои тугрики преумножаю, между прочим.

– Так я и люблюсь.

– Забей на науку, заканчивай со своими проповедями...

– Лекциями, – поправил Андрей.

– Какая разница, – сморщился Воробьев, громыхнул графином о журнальный столик и вернулся к дивану. Сел, закинул ногу на ногу, издал короткий стон и добавил: – Я на тебя надежды возлагал, а ты...

– А я пошел другим путем.

– Ну и дурак!

Лет двенадцать назад фирма «Крона-Ка» в равных долях принадлежала Глебу Сергеевичу Воробьеву и Григорию Петровичу Зубареву. Сначала их объединяли общие знакомые, а затем – обоюдное стремление к успеху. Производство росло, продажи тоже (спасибо новым технологиям и собственным амбициям), маленький офис сменился просторным и светлым.

Шесть лет они трудились в одной упряжке, терпели противоположные характеры друг друга и считали доходы. Но судьба нанесла страшный удар – Григорий Зубарев отравился какой-то гадостью за границей, долго лечился уже на родине, да так и не выкарабкался... Доля перешла к его сыну Андрею, который мало интересовался импортом и экспортом, прибылями и убытками, зато все свое время посвящал молекулярной биологии. Попытки Воробьева привлечь парня к руководству пропали даром, и пришлось Глебу Сергеевичу тянуть воз одному. Со временем он привык, но изредка поддевал Андрея: то в шутку, то с обидой, а то автоматически, без всяких надежд и пожеланий.

Несмотря на разницу в возрасте (а тринадцать лет – немало), между ними сразу сложились легкие отношения, инициатором которых был Воробьев. Он терпеть не мог занудных «вы», длинных «с уважением», непонятных «если» и упрощал все, что только можно упростить, когда дело касалось близких людей. И получалось это естественно, и сопротивление всегда оказывалось бесполезным.

Андрей эту дружбу подхватил, но в дуэте занял скромное место наблюдателя. Иногда, после «пацанских» историй Воробьева, он с иронией задавался вопросом, а кто из них в действительности старше? Глебу Сергеевичу по отношению к жизни его сорок семь лет можно было дать с бо-о-ольшой натяжкой.

Последние два года они виделись редко – Андрея постоянно приглашали читать лекции, и он не отказывался, приобретая по возможности в других городах и странах дополнительный опыт. Но и домой тянуло, и здесь его ждали не менее важные дела: с середины января его команда начинала работать над новой темой, что по значимости перекрывало все остальное.

– Бросаю пить, бросаю пить, – как заклинание, свято веря в каждое слово, произнес Воробьев. – И когда только лекарство от похмелья придумают? Не фигню, а нормальное? Не в каменном веке живем! Кстати, твоя биология на нужные позарез лекарственные препараты не распространяется?

– Нет.

– Жаль... человечество, между прочим, страдает...

– А это что такое? – Андрей, оторвавшись от карты с флажками, прогулялся к окну и остановился около кресла, на котором лежал бело-красный тюк.

– Одежда Деда Мороза... – ответил Глеб Сергеевич. Откинулся на мягкую спинку дивана и заложил руки за голову. – И не смотри на меня так, я еще с ума не сошел... Рекламу к Новому году снимали, вот барахло и осталось, валяется с неделю, а Натаха не убирает... Некуда, говорит. Хочешь, тебе костюмчик подарю? – Он улыбнулся до ушей и не без гордости добавил: – А Наташка у меня хорошая... воспитывает меня даже.

Андрей машинально развернул тюк, взял шубу – халат, отделанную искусственным мехом, встряхнул ее и надел.

– Великовато, – прокомментировал он, точно и впрямь собиравшись часто носить.

– Конечно, велико. К костюмчику живот накладной прилагался, но где он, понятия не имею! Мне бы он сейчас пригодился вместо подушки... А ты бороду надень, шапку и в бухгалтерию сходи, там тебе быстро Снегурочку подберут или какую-нибудь тетушку Метелицу. – Воробьев засмеялся и тут же осекся, по-прежнему томимый похмельем. – Не проходит башка, хоть ты тресни, – недовольно буркнул он.

Андрей для завершения образа надел бороду, шапку, украшенную не только мехом, но и блестками, точно ее припорошил снег, и удобно развалился в кресле. Костюм приятно пах гримом, театром, и расставаться с ним пока не хотелось.

Дверь распахнулась неожиданно резко, и на пороге появилась стройная девушка в узких джинсах и голубой рубашке свободного покроя, застегнутой на пару пуговиц и завязанной на талии узлом. Удивительные, длинные, медно-красные волосы, постриженные ступеньками, взбитые на макушке, сразу бросались в глаза и на секунду отвлекали от лица. Но лишь на секунду.

Рядом с ней стоял шуплый парень в черных брюках и бежевом свитере. Ровная челка и очки на носу делали его похожим на отличника, день и ночь грызущего гранит науки.

Девушка быстро зашла в кабинет, стрельнула взглядом в сторону Андрея и, не найдя ничего примечательного в его персоне, поздоровалась по очереди со всеми:

– Привет, папа. Здравствуй, Дедушка Мороз.

– Моя дочь – Алевтина Глебовна, – со вздохом представил Воробьев и добавил: – Ну, ты ее, наверное, помнишь...

– Добрый день, – произнес Андрей, вежливо поднимаясь с кресла.

После слов отца Алька проявила заинтересованность, сделала шаг к гостю и наклонила голову набок, он в ответ, желая облегчить опознание, опустил бороду.

Их встречи можно было пересчитать по пальцам – раз, два, три, четыре, пять. Они всегда виделись мельком и никогда не разговаривали друг с другом наедине, вдали от суеты. Она ему запомнилась светленькой девочкой, несущейся мимо с булкой в руках. Ей было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать? Где та черта, тот год, когда обыкновенные девчонки вдруг становятся красивыми девушками? Кто бы знал... От прежней Алевтины Воробьевой остались только несколько заметных конопушек на переносице и зеленые глаза. Наверное, ей чуть больше двадцати, а ему уже тридцать четыре. Узнал бы он ее на улице? Вряд ли.

– Зубарев, – подсказал Глеб Сергеевич, и Алька кивнула, потеряв интерес. Нет, в данную минуту ей совершенно не до партнеров отца, она пришла по важному делу...

– Здравствуйте, – запоздало выдал «отличник», и внимание переключилось на него.

– Привет, – ухмыльнулся Воробьев, надеясь, что визит дочери и ее приятеля будет коротким.

– Это Костик, – громко произнесла Алька. – Мой будущий муж. Приглашаю вас на свадьбу, которая состоится в конце января!

– Совсем обалдела, что ли? – непедагогично выдал Глеб Сергеевич, и сразу почувствовал пушечный выстрел в затылке. – Ты где его нашла?

Андрей вновь надел бороду и вернулся в кресло: в дела семейные он вмешиваться не собирался, тем более что приблизительно представлял, как далеко Воробьев пошлет сейчас молодого человека по имени Костя и... Нет, реакция Али пока оставалась загадкой. Впечатления послушной, кроткой дочери она не производила.

– Я у вас уже давно менеджером работаю, – без тени обиды заступился за себя жених. – И так как мы с Алевтиной любим друг друга и наши отношения серьезные, я сделал ей предложение.

– Ты не рад, папа? – наигранно изумилась Аля. – А почему?

Ни разу до этого дня Глеб Сергеевич не задумывался о том, что у него может появиться зять, то есть он вообще никогда не отягощал себя мыслями о личной жизни дочери. Но если бы ему пришлось напрячь воображение, помечтать, то картина получилась бы следующая: Аля выходит замуж за состоявшегося обеспеченного бизнесмена не моложе сорока лет, с которым он, Воробьев, отлично ладит, компанейски пьет пиво после футбольных матчей и имеет огромное количество общих тем для деловых разговоров. И, пожалуй, пусть новый родственник еще положительно относится к бильярду и неровно дышит при виде скоростных спортивных машин, а интерес к женщинам – это лишнее, потому как зять.

– Браку не бывать, – категорично ответил Воробьев, считая происходящее абсолютным бредом. – Родительского благословения я тебе не даю.

– Папа, – улыбнулась Алька до ушей, – я совершеннолетняя и, если захочу, выйду замуж хоть за Деда Мороза.

– Я вашу дочь люблю, – встрял Костик, – и сделаю ее счастливой.

– После дождичка в четверг, – выстрелил Воробьев, махнул в сторону двери и добавил: – Все, аудиенция закончена, марш работать, я сегодня плохо себя чувствую и глупости выслушивать не намерен.

– Да, мы пойдем работать, – согласилась Алька, проигнорировав выпад отца. – Я предполагала, что ты будешь против, и хочу подчеркнуть: моя свадьба – вопрос решенный. Я очень счастлива.

Ее глаза сверкнули, и Андрей попытался определить природу этого блеска. Действительно так сильно влюблена? И никакие преграды даже настроения не испортят? Или Алевтина Воробьева стойкий оловянный солдатик?

– Мы с тобой дома поговорим! – гаркнул Глеб Сергеевич, повернулся к менеджеру Косте и особым мягким голосом, как будто перед ним стоял пятилетний мальчик, произнес: – До свидания, молодой человек, идите и занимайтесь сбытом стирального порошка, а то продажи падают, а мне очень не хочется наказывать виновного...

Алька фыркнула, крутанулась и направилась к двери, «отличник» зашагал следом. В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь настойчивым тиканьем настенных часов.

– Мне тоже пора, – сказал Андрей, поднимаясь. Скинув костюм Деда Мороза, он оставил его в кресле.

Но Воробьев, томимый новостью, не собирался отпускать друга, похмелье неожиданно отступило, но взамен образовалась проблема, забыть о которой не представлялось возможным.

– Я не понял... они поженятся? Я ее, кровиночку, растил, растил, а потом появился какой-то ботаник – и все? – Воробьев подался вперед и развел руками. До него неожиданно дошел кошмар происходящего, и он сам стал похож на беспомощного ребенка. – Ни черта не понимаю! Чем он ей вообще понравился? Зачем ей такой муж? Она выйдет за него?

– Не обязательно, – ответил Андрей. – Они слишком разные.

– Выйдет! – воскликнул Глеб Сергеевич. – Еще как выйдет! Ты ее не знаешь! – Он вскочил, бросился к столу и схватил телефонную трубку. – Я сейчас узнаю фамилию этого женишка и вышвырну его на улицу! Будет знать, как на директорских дочек заглядываться! Размечтался! А я-то думаю, чего мне его физиономия знакома... А он со мной в день по три раза здоровается, если не по пять! Родственничек нашелся! – Возмущение Глеба Сергеевича неожиданно оборвалось, он швырнул трубку обратно, усталое упал в кресло и взъерошил волосы. – Воды дай, а? Минералка в шкафу...

Андрей подошел к шкафу, открыл дверцу, взял маленькую бутылку минералки, поставил ее перед Воробьевым, развернул стул и тоже сел.

– У тебя интересная дочь, – улыбнулся он.

– Ага! – вновь вспыхнул Глеб Сергеевич. – И я от этой интересности скоро на тот свет отправлюсь! Неуправляемая вообще. Цвет волос видел? Перекраситься отказывается наотрез, и повлиять на нее никто не может. Один воспитываю – вот и результат! Вся в мать!

– А мне кажется, она на тебя похожа.

– Ты что?!

– Похожа.

Алькину историю Андрей знал – без подробностей, но и этого было достаточно. Поехал как-то молодой и видный Глеб Воробьев в командировку и там, среди лесов, полей и рек, увлекся весьма симпатичной девушкой. Чувства со временем стали более глубокими, и речь зашла о свадьбе, тем более что вскоре ожидалось рождение ребенка. Но не задалось...

– ...мне уезжать время пришло, а она со мной не хочет, хотя договаривались... То мать заболела, то московским врачам она не доверяет, то еще что-то... – уже пустился в воспоми-

нения Глеб Сергеевич. – Ругались мы страшно, ну, я и плюнул! А она еще потом сказала: не люблю, мол, мне вообще другой нравится, это я назло с тобой связалась. Всю душу мне истрепала тогда! Ну, я и уехал, подумаешь! А потом Алька родилась. Отцовство, конечно, на меня оформили, и деньги я, как положено, перечислял, но туда больше – ни ногой! А потом она мне звонит и говорит: жди меня завтра на вокзале в два часа. Нормально, да? И я потащился на вокзал! Голову ломал: чего ей нужно? Даже думал, вернуться хочет, а я-то тогда уже с другой встречался. – Воробьев хмыкнул и негодуя отшвырнул лист бумаги. – И что? Всучила мне прямо на перроне дочку в руки, сказала: извини, твоя очередь, ты теперь ее расти. А сама – ту-ту-у, больше мы ее не видели. – Воробьев помахал рукой в воздухе, точно провожал поезд. – Я, честно говоря, дар речи потерял! А Алька такая маленькая была, года два, глаза таращит, не пищит, медведя плюшевого к себе прижимает... Я ее к матери своей отвез сразу, а забрал позже, когда на ноги встал. Вырастил на свою голову сокровище! – Он смачно стукнул кулаком по столу. – Замуж она собралась! И за кого? Слушай, – его голос стих, – а может, его, Костика этого, попробовать отговорить? Если парень откажется, то и моя принцесса дурить перестанет.

– Оставь их в покое, – сдержанно предложил Андрей. Он попытался представить Алевтину Воробьеву в роли жены «отличника» Константина и не смог, не складывались два этих человека в единое целое. В его мыслях они отталкивались друг от друга, отвергая любое приятие.

– Да, да, да, – затараторил Воробьев, пропуская ответ мимо ушей. Его щеки немного порозовели, он оживился, будто внутри включилась следующая скорость, схватил ручку и постучал колпачком по столу. Сделав несколько больших глотков минералки, он даже позволил себе улыбку. – Точно! Надо предложить парню хорошую тачку, джип, паджерку, например, и не менее хорошую должность, и пусть скажет Альке, что любовь прошла. Как тебе моя идея?

– Дрянная идея, – честно ответил Андрей.

– Почему?

– Пошлют они тебя оба далеко и надолго.

– Не-а, не меня, – покачал головой Глеб Сергеевич. – Не я же предлагать буду, а ты.

– Не помню, чтобы я давал на это согласие.

– Послушай, Андрюха, дело серьезное... Я, по-твоему, бездействовать должен? Моя единственная дочь сбрендилась и идет под венец с нищим молокососом, а я молчи?! Помоги, прошу, помоги. Я бы и сам, но мне Алька потом ни за что не простит, а тебя она раз в сто лет видит... – Он с грохотом отодвинул кресло, вскочил, залпом допил воду и сунул руки в карманы брюк. – Скажешь, что щедрый расстроенный папочка предлагает джип и повышение на две ступени сразу – и все! Или ты лучше от себя, а?

– Иди к черту, – спокойно ответил Андрей. – И не дурак же он, чтобы соглашаться...

– Почему не дурак? – обиделся Воробьев за жениха дочери. – Конечно, дурак. А согласится, так еще и гад порядочный! А зачем моей Альке такой? Ненадежный, а? Я бы и сам, но ты же понимаешь... Свадьба у них в январе! Обалдеть! Вот мы и проверим, и узнаем, какая у них там любовь. Согласен?

– Иди к черту, – повторил Андрей.

* * *

Але в жизни не хватало чего-то теплого, мягкого, воздушного, чего-то необъятного и в то же время очень личного. Во всяком случае, она считала именно так. Иногда, навоевавшись со всем миром, она приходила домой, забиралась на кровать и по-девчоночьи мечтала о сказочном принце, который разберется со злодеями и будет ее просто обнимать и целовать. Эти мечты появлялись редко и тянулись из детства, а когда речь заходила о внешности будущего

мужа, то всегда оказывалось, что он полная противоположность ее отцу – Глебу Сергеевичу Воробьеву.

Ничего не поделаешь, так получалось.

С молодыми мужчинами, желающими завязать тесные отношения, она встречалась и ранее, но душа обычно волновалась лишь три-четыре коротких дня – стандартный срок, – а потом становилось скучно. Предсказуемость доводила до раздражения. Вспыхивала влюбленность и гасла – ничего особенного.

Костик был другой – милый, просто милый. Он то позволял ей верховодить, то хватал за руку и куда-то тащил, ворчливо отчитывая за какие-то выходки и разгильдяйство. А она с удовольствием бежала следом, с улыбкой слушала и едко комментировала его слова.

Костя был забавный и серьезный. Когда целовался, всегда снимал очки, когда ел, пользовался ножом и тщательно промокал рот салфеткой. Алька могла наблюдать за ним часами. И он как-то очень твердо попросил у нее руки и сердца и тем самым рассмешил! Она не задала ни одного вопроса, например, «а где мы будем жить?», а просто согласилась, сказав себе: а почему бы и нет? Теперь у нее будет свой собственный мужчина, которому она нужна.

И все же рассуждать даже на такую весомую тему сосредоточенно и вдумчиво не получалось – постоянно мелькали какие-то грандиозные идеи, и жизнь заранее казалась бесконечно счастливой.

– Ну вот, а ты боялся, – бодро сказала Аля, проводив Костика до его рабочего места.

– Я не боялся, – строго ответил он, – но твой отец не дал мне и слова сказать.

– Это нормально. А то, что ты остался жив, уже большая удача.

– Не шути. – Костик поправил очки и посмотрел на нее с укоризной. – Если Глеб Сергеевич против, то...

– ...то не стоит обращать на него внимания, – закончила Алька, пожала плечами и, тряхнув медно-красной копной волос, мурлыча под нос песенку, поплыла в бухгалтерию.

Глава 2

Поступок не Деда Мороза...

Распрощавшись с Воробьевым, так и не взвалив на свои плечи малоприятную миссию, Андрей спустился этажом ниже и подошел к кофе-машине. Душа настойчиво требовала тишины, покоя и пары-тройки глотков горячего сладкого кофе. «Наверное, в прошлой жизни, Глеб, ты был вампиром», – улыбнулся Андрей, чувствуя ноющую боль в висках.

Он поставил пластиковый стаканчик на решетку, нажал кнопку, отошел на пару шагов и прислонился спиной к стене. Машина молола, трещала, варила, но Андрей не обращал на нее внимания – взгляд, скользнув по стенду «Информация» и плану эвакуации, влетел в распахнутую дверь кабинета № 310 и остановился на менеджере Константине... Парень сидел как раз напротив и усердно трудился: то заглядывал в толстый каталог, то делал пометки в ежедневнике, то шевелил губами, что-то проговаривая, то глядел в монитор. При любом положении и движении светлая челка оставалась ровной, будто стригли ее по линейке, а потом намертво склеили. Андрей понял, что мысленно цепляется к парню, и отвернулся.

Бухнув в стаканчик кубик сахара, он так и не взял ложку, чтобы размешать, а сразу сделал большой глоток кофе.

Аля не выходила из головы.

Какая-то недосказанность сверлила мозг и не давала возможности отвлечься. Сомнение и непонятное удивление ерзали в груди. Будто дочь Воробьева, проходя мимо, обронила загадку, которую он не то что разгадать, поймать не может. Это было и смешно, и грустно. И приятно. Андрей усмехнулся, допил кофе, посмотрел в окно, а затем обернулся.

– Здравствуйте еще раз, – произнес Константин. – А я вас увидел и вышел... Нам необходимо поговорить.

– О чем?

– Об Алевтине. То есть... скорее о Глебе Сергеевиче.

«Не мой сегодня день, – устало подумал Андрей. – Водевиль какой-то...»

– К сожалению, я тороплюсь.

– Но пять минут же у вас есть? – Константин поправил очки и сделал шаг вперед.

– Да, есть.

Наверное, надо было сказать «нет», наверное...

– Похоже, я не понравился Глебу Сергеевичу... Это плохо, потому что я люблю Алю, и мы действительно хотим пожениться.

– Дорогу осилит идущий, – произнес Андрей крылатую фразу.

– Вы предполагаете, у меня есть шанс наладить отношения? На свадьбе должны присутствовать родители, родственники и друзья, не хочется начинать семейную жизнь со скандала... Вы не могли бы... – Костик нахмурился, задумчиво посмотрел в потолок, затем перевел взгляд на собеседника и наконец закончил фразу: – А что именно сказал Глеб Сергеевич после того, как мы ушли?

«Молодец, отличник», – мелькнула ледяная мысль, и Андрей тяжело вздохнул.

Правда напрашивалась сама собой, и оставалось только ее произнести, но он не хотел прятаться за ситуацию и поэтому честно признал, что ему интересно, какой ответ даст молодой человек по имени Константин.

«Уже через минуту я буду здорово виноват перед тобой, Алевтина Глебовна Воробьева...» – подумал он напоследок и точным броском отправил пустой стаканчик в корзину для мусора.

– Отец Али мечтает о другом зяте, – сухо произнес Андрей и добавил: – Как насчет отступных?

– Я не понял...

– Новый джип и должность начальника отдела тебя устроят?

– В каком смысле?... Вы меня покупаете?

– Да, – ответил Андрей, наблюдая, как у Костика вытягивается лицо. «Давай, парень, пошли меня далеко и надолго... ну же!»

– Но... А это предложение исходит именно от вас или все же от Глеба Сергеевича?

– А тебе нужны подробности?

– Ваши слова оскорбительны.

– Согласен.

Костик поправил очки, развернулся и решительно зашагал к двери кабинета. Взявшись за ручку, остановился, постоял немного, опять развернулся и проделал обратный путь. На его щеках вспыхнул румянец, который мог означать что угодно: негодование, гнев, волнение или... стыд.

– Конечно, я понимаю, что если Глеб Сергеевич против нашего брака, то ничего хорошего из этого все равно не выйдет, но то, что вы предлагаете... непорядочно! – Он нервно выкрикнул обвинение и тут же, оглянувшись, поджал губы.

– Непорядочно, – спокойно подтвердил Андрей. – А ты откажись, и все дерьмо упадет на мои плечи.

Он уже злился, и неизвестно, на кого больше: на себя или на покрасневшего Костика. «Связался черт с младенцем... А за Альку-то обидно... Не отказывается парень, не отказывается...» И еще спасибо Воробьеву, написал сценарий, подкинул дурацкую идею, а она и выпрыгнула в подходящий момент, точно ее ждали. «Но главная свинья, конечно, я, – взял на себя ответственность за этот «террористический акт» Андрей. – Хватит, надоело...»

– Конечно, я понимаю, что если Глеб Сергеевич против нашего брака... – повторился Костик, – то смысла нет. То есть нет смысла начинать, не попробовав заранее найти пути решения конфликта... Жизнь на пороховой бочке никому не принесет счастья. Будем ругаться, мучиться... выяснять, кто прав, кто виноват... Или мне переговорить с ним еще раз?

– Переговори. Иди прямо сейчас, – благословил Андрей с нотой равнодушия.

– Я Алю люблю.

– Отлично. Значит, забудь о моем предложении.

Но Костик, видимо, не был человеком, способным быстро принимать решения, или дело было в другом... На его лбу выступили капельки пота, глаза забегали. Бросив на Зубарева отчаянный и смущенный взгляд, он буркнул что-то, а затем нахмурился и стал нарочито серьезным. Потянулась тяжелая, томительная минута... И вдруг Костик сдулся, как воздушный шарик, опустил голову, уставился на свои ботинки и тихо выдал:

– Вы торопите меня, а это неправильно... С одной стороны, какой смысл, если... Поступки должны быть рациональными... С другой стороны, я не хочу причинять боль Але... – Он поднял голову и попытался объяснить свою позицию: – Я за рациональность, понимаете? Чтобы плохого было минимум... не надо преумножать плохое...

«Ну а теперь я против, чтобы ты на ней женился», – резко подумал Андрей и, не желая больше заниматься этой дребеденью, произнес решающие слова:

– Или да, или нет, третьего не дано. И я тороплюсь.

– Хорошо... пусть будут джип и должность. И что мне теперь делать?

– Иди к Воробьеву, – бросил Андрей, покидая офис фирмы «Крона-Ка». – На этот раз он будет тебе рад.

Уходил Андрей не оглядываясь, и, как назло, перед глазами маячил яркий образ Альки. Ее улыбка – сдержанная, немного хитроватая, лукавая, но в то же время искренняя, беспоп-

щадно и заслуженно резала по живому. Но через час, когда он приехал в свой институт, совесть затихла и сдала позиции, проиграв молекулярной биологии со счетом 3:0.

* * *

Если у кого-то в окружении есть недруги, злопыхатели, недоброжелатели и прочие мало-приятные личности, то Алька могла похвастаться самыми настоящими врагами. Именно так принципиально громко называла она Маргариту Боткину (в простонародье Марго) и Елену Пенкину (в простонародье Ленка-Пенка, или коротко Пенка). Первая была высокой, стройной, эффектной брюнеткой. Вторая – маленькой, пухленькой, невыразительной блондинкой. Звание они не оправдывали, побед не имели, но изо всех сил дружно старались насолить, не гнушаясь при этом враньем, подстрекательством и плохо завуалированными оскорблениями. Злоба, зависть и ревность кислотой капали на пол, в воздухе частенько пахло порохом...

А Алька неслась вперед, улыбалась, взбиралась на вершины и притормаживала лишь для того, чтобы развлечься и сделать ответный ход. И, играя, продолжала именовать дуэт Марго и Пенки вражеским.

История ключевой ссоры корнями уходила в далекое прошлое – к первому курсу. Тогда была мода на клеш, острые носы туфель, зеленый цвет и шарфики. Мир держался на тех же китах, что и раньше, ветер перемен исправно шуршал осенней листвой по асфальту, дождь то молчал, то плакал, а в головах юных девушек по-прежнему кружились мысли о любви...

Марго закрутила роман с третьекурсником, но на первой же вечеринке он увидел Алевтину Воробьеву, которая редко ждала у моря погоды, не знала ложной скромности, нерешительности и всегда предпочитала действовать активно. Возможно, кто-то считает, что прежде чем идти танцевать, сначала нужно навести справки и выяснить, кому принадлежит тот или иной субъект, кто уже нафантазировал себе помолвку, свадьбу и медовый месяц с ним, и только потом, когда формальности соблюдены, можно подходить близко, хватать за руку и тянуть на середину зала... Но Алька пошла другим путем. Сначала пригласила на танец, затем вскружила голову и только потом обернулась и... увидела гневные глаза Марго. А Пенка, стоящая рядом с лучшей подружкой, в тот момент находилась в сомнамбулическом состоянии: тербила носовой платок и жужжала не переставая. К сожалению, громкость нельзя было сделать побольше – о чем она там гудит? – но Алька не сомневалась, что с первой попытки угадает приговор. «Убей ее, убей ее, убей ее...» – тараторила Пенка, переминаясь с ноги на ногу. И Марго кивала, кивала, кивала.

Даже если бы Алька залепила себе рот скотчем, надела на голову бумажный пакет, а сверху еще добавила паранджу, то третьекурсник все равно бы потерял покой и сон, потому что харизму невозможно оставить дома, упаковать и отправить бандеролью на другой конец света или высушить и убрать в шкаф. Харизма – это навсегда!

В тот день Алька была в ударе. Искры летели во все стороны, слова вытягивались в ленты и завязывались узлом, легкие движения ослепляли, морочили и уводили вдаль...

Но она-то натанцевалась и забыла, а он еще долго таскался на второй этаж и приглашал в кино...

– Гадина, – сказала Марго.

– Угу, – поддакнула Пенка.

Своей вины Алька не чувствовала. О, если она будет нести ответственность за каждого мужчину, с которым совершила несколько па под музыку, а потом немного поболтала, то лучше сразу отправиться на галеры и растрачивать энергию иным способом, а именно ударно работая веслом.

Итак, у нее были враги.

Алька прилетела в академию за полчаса до назначенной встречи с преподавателем. Оставила куртку в гардеробе, полюбовалась на елку, которой украсили холл, и отправилась в кафе, расположенное на первом этаже.

Кафе больше походило на бюджетную столовку, славилось борщом и пирожками с капустой, а также картофельной запеканкой и оладьями. Студенты с удовольствием перекусывали под музыку любимой радиостанции поварих и отчаянно недолюбливали четверги, когда неистребимый рыбный запах пропитывал одежду и мешал непринужденной болтовне. Старые традиции держались крепко, и в этот день рыба исправно варилась, жарилась, тушилась.

Зимой в кафе часто случались аншлаги. В морозный день каждый спешил глотнуть обжигающего чая или кофе, а там уж и до бутерброда рукой подать – тепло, уютно, сытно.

Сегодня у Альки не могло возникнуть проблем со свободным столиком – зал пустовал. Заметив краем глаза Марго и Ленку-Пенку, она взяла поднос, поставила на него тарелку с салатом оливье, стакан чая, подумала, что выбрать, слойку с вишней или с творогом, взяла обе и, оплатив, непринужденно направилась в сторону врагов. Иное место (да здравствует дух противоречия!) она не могла занять.

Устроившись за соседним столом, она с удовольствием обхватила ладонями горячий стакан с чаем.

– Лена, посмотри, кто к нам пришел... – протянула Марго, накалывая на вилку полупрозрачный кружочек огурца. – Воробьева, а ты не боишься располнеть от такого количества булок?

– Не-а, – бросила Алька, приступая к салату, – если у меня что-то и полнеет, то только мозг.

– В платье не влезешь, а скоро вечеринка, – солидарно поддела Пенка.

К вечеринке готовились все. В этом году для пятой группы она имела особое значение, потому что была последней новогодней. Скоро выпуск, и – прощайте, лекции, зачеты, здравствуй, взрослая жизнь. Вряд ли они когда-нибудь еще соберутся вместе: поболтать, потанцевать, повеселиться... вряд ли... Вот почему администрация под мощным натиском студентов размякла и разрешила каждому дипломнику пригласить по одному гостю. Но некоторые увидели в этом отличный повод самоутвердиться, и, как часто бывает в таких случаях, волна пошла... Алька, конечно, собиралась на вечер с Костиком и планировала надеть самое сногсшибательное платье, какое только может быть на свете. И сделать она это хотела не потому, что на свете есть враги, а потому, что душа уже давно просила праздника. А враги?.. Ну, для них тоже... но совсем чуть-чуть... – Ты будешь одна или наконец-то познакомишь нас со своим парнем? – с едкой улыбочкой спросила Марго.

– Со своим несуществующим парнем, – со смешком уточнила Ленка-Пенка.

– Познакомлю, мне не жалко, – кивнула Алька, тщательно пережевывая салат так, точно это были не картошка, горошек и прочее, а поверженные враги.

– Не волнуйся, если он сбежит от тебя до вечеринки, мы это поймем... – продолжила поддевать Марго. – Мы уже привыкли к этому.

Да, ее легко упрекнуть за отсутствие длительных отношений, но кто от этого страдает? Не она! И кто может сказать, что сам некогда бросил Алевтину Воробьеву? Например, сказал: «Ты мне больше не нужна, прощай», и ушел, громко хлопнув дверью. Не-а, первой всегда была она. И происходило расставание обычно тихо, правда, с некоторым недовольством с мужской стороны (имеющим различные оттенки). Не сошлись характером – иначе не назовешь. Потому что есть девушки, которым тяжело соответствовать. «Не потянул» – самый стандартный диагноз в данном случае.

Алька перестала есть, внимательно посмотрела на Марго, затем перевела взгляд на Ленку-Пенку и с улыбкой ответила:

– Настоящей женщине нужен только настоящий мужчина. Вот я искала, искала и нашла.

Пожав плечами, мол, чего же здесь непонятного, она взяла слойку с вишней.

Внешнее убийственное равнодушие давалось нелегко – Алька старательно сдерживала ехидную улыбку, но зеленые глаза горели и жгли. Нет, сейчас, когда в душе звенят колокольчики и всеми цветами радуги переливается гирлянда чувств (а это такая редкость), она не вступит в бой. Потом, в следующий раз. А сегодня достаточно того, что ей хорошо, она почти счастлива.

Почти?

Честно говоря, да.

Но какой же крохи не хватает?

Алька поймала этот невесомый, но колючий вопрос, глотнула остывшего чая, тряхнула головой – медные волосы взлетели, скользнули по лицу и упали – и хмыкнула. Глупости. Глупости.

* * *

Замуж Алька не пойдет! Потух женишок при первом порыве ветра. Глеб Сергеевич потер руки, оттолкнулся ногами от пола и отъехал на кресле почти на метр.

А сколько было слов! И излагал Костик, и излагал, рациональное зерно искал, анализировал, прогнозировал, объяснял... Все же Андрюха молодец – взял и оглушил «отличника» предложением. Молодец!

Настроение у Глеба Сергеевича Воробьева поднималось все выше и выше. Оглядев кабинет, он скрестил руки на груди, посмотрел на календарь и улыбнулся. Схватил трубку, набрал номер и директорским тоном произнес:

– Алексей Игоревич, а почему у нас офис такой скучный? Между прочим, скоро Новый год! Украсили? Где украсили? Чтобы завтра утром елка стояла, лампы мигали, сосульки висели... Какие сосульки? Любые! Нет в продаже? Сделайте! Короче, побольше блеска, мишуры и шаров. Деньги сами знаете где взять. Удачи!

Воробьев встал, потянулся, провел ладонью по лицу, стирая усталость и остатки вчерашнего алкогольного вечера, снял пиджак и швырнул его на стол. Подставка с ручками и карандашами вздрогнула и недовольно брякнула.

– Новый год – это вам не хухры-мухры, это сбыча мечт и половодье чувств!

Ага.

Так... Костик, Костик...

Повысит он этого менеджера на ступеньку, а там видно будет, с машиной потянет, пообещает и обманет... Обойдется парень! Совесть надо иметь. «Отличнику» этому.

– А где же моя курочка... – пропел Глеб Сергеевич, представляя, как податливая и одновременно гордая секретарша Наташа через несколько минут подарит ему восхитительные моменты страсти. Уж на маленькое эротическое приключение он силы найдет... Хотя почему маленькое?

Воробьев громко засмеялся и направился к двери – пора мириться! Ну не приехал он вчера, ну и ничего страшного... Друганы с пути сбили... Такое иногда случается... И в прошлый понедельник от него пахло не духами, а... чем?.. Неважно! Сейчас он покается, затем чего-нибудь наобещает, потом приголубит, а потом... а потом у них будет много чего интересного!

Глеб Сергеевич вышел из кабинета и... увидел идеально чистый стол Наташи. Лишь лист бумаги лежал около клавиатуры, нервируя, притягивая взгляд.

«Увольняюсь! Надоело! Ищи себе другую дуру!» – безжалостно сообщила записка, и в глазах зарябило.

– Нет, ну мы так не договаривались, – ошарашенно выдал Воробьев, перечитывая вновь.

Мало того что эротическое приключение накрылось медным тазом, так теперь он еще и без секретарши остался! А работать-то кто будет?.. Ау-у-у! На носу Новый год, нормальные люди не увольняются и, соответственно, не обивают пороги кадровых агентств, нормальные люди покупают продукты к застолью, подарки для родных и близких, холят и лелеют мысли о предстоящих каникулах. Где он сейчас найдет свободную единицу, которая сможет и чай принести, и приказ набить, и факс отправить и... нет, остальное не обязательно, но желательно... Катастрофа.

– Избаловал я тебя, Натаха, ох избаловал! – беспомощно выдал Глеб Сергеевич и взялся за мобильник.

Но, с другой стороны, он неоднократно просил у нее прощения, и это положение, в котором приходилось постоянно оправдываться за совершенные и несовершенные поступки, категорически надоело, и вообще, он так и не смог потерять из-за нее голову, а с его-то влюбчивостью это странно...

– Короче, пусть сама звонит и просится обратно, – неожиданно решил Воробьев и облегченно вздохнул: – Никуда не денется...

Восстановив тем самым прежнее приподнятое настроение, не желая думать ни о каких проблемах, он легко поверил в то, что «курочка Наташа» скоро запросится обратно, вернулся в кабинет, надел пиджак, короткую дубленку, шапку и отправился домой.

Крепкий морозец пощипывал щеки и нос, машину по закону подлости замело снегом, около подъезда какие-то сорванцы раскатали лед и лишь чудом удалось устоять на ногах («Надрать бы уши!»). Консьержка опять норовила рассказать о затяжной лихой молодости, пока замок почтового ящика отчаянно сопротивлялся и хрюкал («Заменить давно надо, но где найти время, когда секретарши сбегают!»), зато лифт не пришлось долго ждать.

– Уф, – устало выдохнул Воробьев, нажал кнопку и прислонился к стене.

Путь до четвертого этажа был коротким, но Глеб Сергеевич успел ознакомиться с корреспонденцией. Ну, журнал он просмотрит за ужином, квитанции об оплате можно спихнуть на Альку, пусть разбирается, рекламные письма – в помойку («Взяли моду листовки в конверты пихать... завлекают, сволочи!»), а это что такое? Повертев бледно-розовый конверт с пухлым снегирем в левом нижнем углу, Воробьев вышел на своем этаже, достал ключи, открыл дверь, включил свет, бросил журналы и письма на диванчик, снял верхнюю одежду и направился в ванную мыть руки. «Сейчас бы отбивную сожрать!» – мечтательно подумал Глеб Сергеевич, отругал себя за то, что не заехал в ресторан, и прошел в кухню. Налил большую кружку кофе, торопливо приготовил три бутерброда с сыром и отнес в гостиную, вернулся в коридор за розовым конвертом, а затем устроился в кресле перед телевизором.

Водрузив ноги на журнальный столик, Воробьев защелкал пультом.

– Спорт, спорт, спорт! – потребовал он.

Наконец-то на экране появились точеные фигуристки, кружащие по льду во время разминки, и Глеб Сергеевич, улыбнувшись до ушей, принялся за первый бутерброд. Фигуристки всегда действовали на него успокаивающе, правда, он сильно расстраивался, если во время выступления они падали.

– Ну и кто нам пишет?.. – жуя, протянул он, изучая адрес и имя отправителя. – Кузнецова Дарья... ага... И кто ты есть? И что тебе надобно, милая? – в голосе Воробьева мелькнули игривые нотки. Глеб Сергеевич надорвал розовый край, вынул сложенный лист бумаги, развернул его – и замер. Взгляд побежал по строчкам... остановился... опять побежал... остановился... В душе медленно, но верно возрастала буря. – Черт! – воскликнул Воробьев, вскочил и устремился в свою комнату. Сел за стол, автоматически отодвинул ноутбук и принялся читать дальше.

Строчки мелькали очень быстро, точно были живые и торопились, торопились, торопились... Буквы ровные, простенькие, без всяких завитков и загогулин, а слова...

Воробьев отшвырнул лист, откинулся на спинку кресла и недовольно побарабанил пальцами по столу.

– Обнаглели и обалдели, – произнес он резко, встал и заходил по комнате. – Жили-жили не тужили, и нате вам! – выдал он и всплеснул руками. – Да идите вы все на фиг! Не хочу, не надо, до свидания! Глупость вообще какая-то... – Он пожал плечами, подошел к столу и совершенно спокойно сложил лист по сгибам и порвал его на четыре части. Наклонился, бросил в корзину и опять направился в кухню. Достал из холодильника бутылку водки, наполнил рюмку и, несмотря на утренние девизы и речи, посвященные пагубному влиянию алкоголя на здоровье и душевное состояние в целом, выпил «яд» залпом и поморщился.

– Меня это вообще не касается, – подвел итог Воробьев и бодро пошел доедать бутерброды, а также сверлить взглядом фигуристок.

Но порванное письмо, видимо, не желало превращаться в самый обыкновенный мусор – бумажные клочки не попали в корзину, они пролетели мимо, упали на паркет и остались лежать около дальней ножки стола...

* * *

В ресторанчике пахло шашлыком, специями, травами, хлебом, свежими огурцами и... катастрофой.

– Что ты сказал? – тихо спросила Алька, хмурясь.

– Нам нужно временно расстаться и отложить свадьбу... Во всяком случае, пока я думаю именно так. И я тебе говорю все честно, как есть, – сухо ответил Костик и без аппетита посмотрел на салат из помидоров и огурцов. – Твой отец против нашей свадьбы, значит, наша ближайшая совместная жизнь будет омрачена скандалами... Раньше я не анализировал такой поворот событий, но сейчас...

– Струсил, что ли? – удивленно спросила Алька, не находя иного объяснения.

– Нет. Вы, женщины, почему-то всегда делите жизнь на белое и черное, но реальность гораздо сложнее... – Костик поправил очки. – Иногда нужно переждать или пойти другим путем. В этом нет ничего зазорного, просто так складываются обстоятельства.

Алька наклонила голову набок и усмехнулась:

– Вот уж не думала, что ты испугаешься моего папочки.

– Я не испугался. Просто наметились некоторые перспективы, от которых нет смысла отказываться и которые могут даже помочь... возможно...

– Какие перспективы?

– Мне предложили должность повыше, – Костик расслабился, отломил кусок хлеба, отправил его в рот, прожевал и продолжил: – Я смогу многого добиться, и твой отец посмотрит на меня другими глазами...

Услышав это, защищаясь, Алька инстинктивно скрестила руки на груди. Не сразу, постепенно, до нее стал доходить смысл слов... В душе появилась маленькая-маленькая трещинка, пока не приносящая боли, но готовившаяся потянуть за собой паутину себе подобных. Костику предложили должность... Кто и почему вдруг озаботился его судьбой?.. Слишком мало вариантов ответов, чтобы не понять, откуда ветер дует. Слишком мало... И такие поступки очень в духе ее папочки. Но к этому-то она давно привыкла, а вот как мог ее любимый мужчина согласиться... А она-то всегда считала, что безошибочно разбирается в людях... Невероятная ситуация...

– Тебе предложили должность в качестве отступных, так? – ледяным тоном спросила Алька.

– Да, – честно признался Костик, – но я не рассматриваю повышение односторонне, у меня другие планы, как я уже говорил, это возможность изменить отношение твоего отца ко мне...

– Да, ты действительно уже говорил...

– Я полагаю, ситуация разрешится в течение года, именно столько нужно времени, чтобы войти в курс дела, наладить работу, реализовать идеи и получить некоторые результаты...

Алька не слушала Костика, она смотрела на него пристально и мрачно, но все же с некоторой надеждой. Можно ли иначе понять происходящее? И как она – сильная, смелая, укладывающаяся на лопатки любых противников – умудрилась довериться человеку, который переметнулся на сторону врага в считанные минуты? И самое страшное сейчас задать вопрос: «А что еще посулил папочка?» – и услышать ответ... – Костя, ты не мог согласиться, не мог! – выдохнула она, безвольно опуская руки на колени.

– Постарайся отключить эмоции и посмотри на ситуацию здраво, – он торопливо взял стакан с минералкой и сделал три глотка. – Я четыре года занимаюсь ерундой, хотя у меня куча идей и потенциал... Я был терпелив и надеялся...

– А как мой отец тебе это предложил? – перебила Алька. Первая волна боли поднялась в душе, и стало горько и плохо. Глаза заблестели, но она знала – слез не будет, никто не позволит им скользнуть по щекам вниз, слишком много чести! Что ж, она оказалась не готова к удару, уверенность рассыпалась в пыль, и привычные острые словечки потерялись на полпути, но через пару минут вспыхнет злость, которая ее защитит. Нужно только дождаться... Не в первый раз отчаяние и одиночество подкрались так близко. – Какими словами? Я хочу знать, какими словами он тебе это предложил?

– А я разговаривал не с твоим отцом.

– А с кем?

– С Зубаревым.

– С Андреем Зубаревым?

– Да.

– Не может быть... – тихо произнесла Алька. Он-то здесь каким боком? Папочка попросил?

– А потом уже с твоим отцом. Кстати, на меня Глеб Сергеевич при втором разговоре произвел положительное впечатление. – Костик облегченно вздохнул, считая, что самое страшное позади, и принялся за еду. Теперь, наоборот, он почувствовал сильный голод, и заказанного показалось мало. Конечно, он поступает гадко и непорядочно, но упускать шанс нельзя, и, кто знает, вдруг через год Воробьев и правда изменит свое решение. Но если Аля не захочет ждать... это ее право. С его стороны обид не будет. Не все в жизни держится на любви, мозг для того и дан человеку, чтобы анализировать и выбирать. Да, он собрался жениться, у него есть обязательства, но...

– Прости, – коротко добавил Костик и уставился в тарелку.

– Хорошо, – зловеще ответила Алька и... улыбнулась. Спасение было уже близко, оставалось только протянуть руку и проткнуть пальцем боль. Пух! Отчаяние лопнет, как мыльный пузырь, и мир устоит на месте. – Значит, Зубарев... Отлично.

«Явился не запыхавшись, влез, наследил и ломанулся дальше двигать свою науку! Кто дал ему право?..» Она посмотрела на Костика, и тот поежился под тяжелым взглядом, затем тряхнула медными волосами и, собрав мужество в кулак, наигранно весело произнесла: – Ждать тебя год я не стану, никогда не мечтала оказаться в роли соломенной вдовы. Дерзай, двигайся вверх по служебной лестнице, обязательно буду следить за твоими успехами. – Она поднялась из-за стола, сняла со спинки стула сумочку, повесила на плечо. Секунду помедлила, но потом, чтобы не оставлять для себя ни одной тропинки назад, спросила: – А что еще предложили тебе Зубарев и мой отец? Помимо должности?

– Джип... – немного помедлив и покраснев, ответил Костик. Он хотел еще что-то сказать, но закрыл рот и поджал губы.

– Дорого же я стою, – фыркнула Алька, развернулась и широким уверенным шагом направилась к выходу из зала.

В ресторанчике пахло шашлыком, специями, травами, хлебом, свежими огурцами и... злостью. И эта злость большим наэлектризованным облаком теперь тоже двигалась к выходу, вслед за необыкновенной девушкой с яркими медно-красными волосами.

«С отцом все понятно, причем давно... А Зубарев... не было у него права... не было!»

Алька сжала губы и не позволила себе обернуться, а так хотелось посмотреть на человека, которому она еще полчаса назад доверяла...

– Любви нет, – буркнула она. – А если и есть, то мне она не нужна. А вы, многоуважаемый Андрей Зубарев, ждите меня, я обязательно встречусь с вами в самое ближайшее время...

Глава 3

На чьей стороне правда, или Стойкий мир молекулярной биологии

Вчера она ни слова не сказала отцу, прошмыгнула в свою комнату, рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Мысли о вероломном Костике – под запретом. Пусть женится на карьере, если она его столь сильно волнует. Как же жаль, бесконечно жаль, что он не выбрал ее, Альку Воробьеву, не бросил в лицо Зубареву, этому ложному Деду Морозу, пару ласковых... А лучше бы врезал ему кулаком в челюсть! С разворота! Бабац!

Кулак, правда, у Костика маленький, а челюсть у Андрея крепкая.

Но главное – сам факт.

Сколько бы гордости появилось в ее душе, восторга и уважения. А потом она бы сама с радостью обрушила гнев и на Зубарева, и на отца. Получили бы голубчики по первое число! Но все случилось иначе...

Стоп. Мысли о вероломном Костике – под запретом.

Ничего... Жизнь на этом не заканчивается, рано впадать в уныние – еще не все враги повержены, еще не восторжествовала справедливость...

На работу Аля пришла раньше обычного, налила в пластиковый стаканчик кофе, прихватила папку с учредительными документами и села за стол. С особым удовольствием и ледяной улыбкой она принялась листать гладкие файлы. О, никто не пожалел ее, не подумал о том, что впереди Новый год, и каждый имеет право на праздник, никто не поинтересовался, а в чем ее счастье, и она тоже никого жалеть не собирается. Ей, по сути, нечего терять – добрые, заботливые люди разрушили слишком много.

– Да я лучший специалист по головной боли, – усмехнулась Алька. – Вы еще не знаете, с кем связались. Не было у вас проблем? Будут!

Она смотрела на строчки с адресом Андрея Григорьевича Зубарева и чувствовала, как в душе разгорается огонь. Сначала вспыхнули маленькие веточки, затем затрещали поленца, затем языки пламени взметнулись вверх и обожгли сердце. Кто сказал, что месть неприятна, что она не утешает? Глупости.

– Здравствуй, Дедушка Мороз...

Поставив папку на место в шкаф, она взяла чистый лист бумаги и уверенно написала заявление об увольнении. После защиты диплома, а осталось совсем немного времени, она найдет другую работу, а здесь задерживаться желания нет. Здесь Костик и его головокружительная карьера, здесь пахнет ложью и предательством.

– Эй, бухгалтерия, куда коробки класть? И кто всем этим заниматься будет? Мне сегодня некогда, – раздался ворчливый голос, и на пороге появился Алексей Игоревич Щукин, загруженный коробками, пакетами и кулками. Он заведовал хозяйственными нуждами и трудился в «Кроне-Ка» чуть ли не с самого основания. Алька относилась к нему хорошо, наверное, потому, что только ее он называл кнопкой и красавицей.

– Доброе утро, – поприветствовала она и с любопытством спросила: – А что это?

– Батюшка твой распорядился офис украсить, – продолжил ворчать Алексей Игоревич. – Сосульки ему подавай, гирлянды! Хорошо, живого снеговика не потребовал! Возьми-ка верхние коробки и пакет с елкой.

Алька послушно выполнила просьбу и водрузила покупки на тумбу.

– Я нашу комнату сама украшу, – улыбнулась она, вдруг испытав непреодолимую потребность коснуться мишуры и елочных шаров. У нее украли праздник. Вряд ли, поднимая бокал

с шампанским, она будет счастлива, но сейчас... пока никого нет... пусть будет чуть-чуть волшебным...

– Ох, спасибо, красавица, – улыбнулся Алексей Игоревич, – ты к двери поближе вешай, чтоб отец твой видел. Замучил он меня совсем!

Щукин ушел, а Алька открыла коробку и посмотрела на разноцветные шары, провела рукой по гладкой, блестящей поверхности каждого и сдвинула брови.

– Будет вам всем Новый год, – пообещала она таким тоном, что папки в шкафу опасливо прижались друг к другу. В эту минуту она видела перед собой лицо Зубарева.

Через двадцать минут кабинет бухгалтерии сверкал и переливался сочными красками: на двери устроилась большая снежинка, мишура украсила карниз, настенные часы и этажерку, бусы повисли на окнах и подчеркнули ряд полок, шары висели везде, где только можно – по два, по три, по четыре, по пять. Алька оглядела кабинет, прищурилась, кивнула своим мыслям, взяла заявление об увольнении и отправилась к отцу.

* * *

– Давайте, сонные мухи, проходите быстрее... – Воробьев хлопнул ладонью по рулю и недовольно сморщился.

Его добивали перекрестки, снег, гололед, светофоры и пешеходы. Большие и маленькие пробки в зимний период года возникали чуть ли не на каждом углу, и это повышало градус раздражения. Вечером он еще как-то терпел те же проблемы, но утром... Он спешит, торопится, а народ еле ноги передвигает! И мороз им не мороз, и метель не метель!

– Зеленый, – потребовал Воробьев, глядя на трехглазый светофор.

Глеб Сергеевич никогда не подвозил Алю, она предпочитала добираться до офиса самостоятельно, на метро. Машину водить она не хотела, и он никак не мог понять почему. Однажды даже перешел от слов к делу и притащил дочь в салон, где предложил в подарок «Фольксваген», но в ответ получил только сморщенный нос и «м-м-м, спасибо, папа, но как-нибудь в другой раз...». Что у девчонки на уме – загадка! Денег из него не тянет, шмотками практически не интересуется, на бриллианты не смотрит. А должна бы! Пацан какой-то растет.

«Вчера Алька явно была расстроена, – отметил про себя Глеб Сергеевич и довольно усмехнулся, приписывая перемены в настроении дочери действиям Костика. – Ничего, поперживает и успокоится, зато потом выйдет замуж за нормального мужика!»

Какой может быть загс в двадцать два года? Никакой! Юношеский максимализм, да и только! Все им кажется – или сегодня, или никогда. Дурь же. Еще сто раз влюбятся, разругаются и опять влюбятся. Вот он, Глеб Сергеевич Воробьев, владелец крупной фирмы, дожил до сорока семи лет, а похвастаться настоящей любовью не может, не встретил. Разные женщины скрашивали его жизнь: и красивые, и суперкрасивые, и страстные, и сексуальные, и властные, и податливые, а все не то! И Натаха сбежала, а год они точно куролесили и в его кабинете, и у нее дома... Опять мимо.

– Где ты, любовь? – насмешливо обратился Глеб Сергеевич к домам и улицам. – Где тебя носит, подруга? Ау-у!

Воробьев от души засмеялся. Включил дворники, повернул налево и... резко дал по тормозам!

Перед ним, на ничтожно малом расстоянии, подпрыгивало и размахивало сумками и туками неопознанное существо в длинном сером пальто, двух шарфах, объемной вязаной шапке и доисторических валенках. Снежный человек позавидовал бы этому созданию и, уступая первенство более колоритному и пугающему персонажу, отошел бы в сторону, стыдливо потупив взор.

Но Воробьев испугался не столько неопознанного существа, сколько того, что один из тюков с бешеной скоростью влетит прямо в его лобовое стекло – голосовавший махал руками так, точно это были лопасти ветряной мельницы.

– Твою мать! – заорал Глеб Сергеевич, когда машина взвизгнула, ушла вправо и остановилась как вкопанная. – Идиотка! – выдал он следующее ругательство и удивился, поняв, что каким-то чудом определил пол создания в валенках.

Дверца распахнулась, впуслав холодный воздух, и женщина попыталась усесться в кресло, но поклажа мешала, и получалось это не очень хорошо.

– Извините, извините, – бормотала она, пихая пакеты под ноги, – извините, пожалуйста, но мне необходимо добраться до улицы Образцова, а никто не везет... у меня денег не очень много...

Недоуменно осмотрев гостью с головы до ног, отправив брезгливый взгляд в сторону тюков, которые уже перекочевали на заднее сиденье, Воробьев обалдело произнес:

– Мадам, я вас не приглашал. Вы вообще откуда?

Она подняла голову, закусила нижнюю губу и замерла. Вязаный берет съехал назад, один из помпонов коричневого шарфа соскользнул с плеча вниз. У нее оказались чистые голубые глаза, такие большие и глубокие, что Глеб Сергеевич не сразу заметил морщинки, усталость и печаль на ее лице. Он смешался и, почувствовав неловкость, отвернулся к дороге.

– Извините, извините, – опять затараторила женщина, хватая тюки, вытаскивая пакеты. – Я думала, что вы подвезете... извините, я не хотела вас задерживать... извините...

Засуетившись, она пару раз задела локтем Воробьева, и он недовольно отстранился.

– Да успокойтесь вы! – раздраженно выдохнул он и, посчитав случившееся тем злом, от которого уже не отвертеться, добавил: – Я отвезу вас, и деньги мне не нужны. Только сидите спокойно!

– Спасибо, вы добрый человек, – она прижала руку к груди и закивала.

– Боже мой... – простонал Глеб Сергеевич и схватился за руль.

Женщин такого сорта он не терпел: какая-нибудь одинокая гармонь сорока лет, с кучей племянников, кошкой или маленькой визгливой собачонкой в придачу, весной верит в доброе и светлое, летом по выходным таскается на чужую дачу, осенью лечит нервы, а Новый год встречает либо с престарелой мамой, либо с такой же занудной подружкой, либо одна. И откуда она только взялась?!

– А я от мужа ушла, – призналась незнакомка и добавила: – Он мне изменял.

«И правильно делал!» – мысленно воскликнул Воробьев, не желая превращаться в психоаналитика. Затянет сейчас: «Все мужики козлы, и как вас земля носит», уши точно в трубочку свернутся. «Плавали, знаем!»

– Вообще он хороший, просто не сложилось... – Она помолчала немного и выдала с волнением: – Извините, я не должна была вам говорить... это, конечно, мои проблемы... извините, сама не знаю, что на меня нашло...

– Не ерзайте, – коротко бросил Воробьев, устремляясь к улице Образцова, но уже через пару секунд он поймал себя на мысли, что хочет рассмотреть женщину получше, хочет еще раз заглянуть в ее глаза. «Наверное, училкой работает или библиотекарем», – подумал он и хмыкнул. Покосившись на валенки, он хмыкнул повторно.

– Я их купила у старушки, – оправдалась незнакомка, – еще две недели назад. Не знаю зачем... Бабушка была такая маленькая, на волшебницу похожая, я и не удержалась. А они у меня в коридоре стояли... «молния» на сапоге не застегивалась, я и надела валенки.

– А два шарфа зачем? – грубо спросил Воробьев, отвергая любое сочувствие и симпатию к пассажирке. Откуда, вот откуда берутся такие экземпляры?

– Не знаю, – она пожала плечами, – не заметила.

«Видно, круто ей муж изменял, если мозги набекрень», – удовлетворенно подумал Глеб Сергеевич, прибавляя скорость. Жена должна быть какой? Стройной, подтянутой, красивой, молодой. Делает она себе пластику или нет – не его забота, главное, чтобы хотелось ее утром и вечером. А это что? Прабабкин берет и валенки до колен! «У волшебницы купила, – мысленно передразнил он. – Точно мозги набекрень! Скорей бы уже высадить ее и поехать в офис».

– А работаете вы где? – поинтересовался он только для того, чтобы подтвердить свои догадки и успокоиться.

– Раньше в музее экскурсоводом, а потом долго болела и потеряла место... Сейчас подрабатываю у подружки, но это временно...

– Понятно, – перебил Глеб Сергеевич, удовлетворив любопытство.

– У вас тепло... в машине, – произнесла она и стянула с головы берет.

Воробьев повернул голову и сразу вернул внимание на дорогу. У пассажирки оказались светлые волосы и прическа, приближенная к каре, но, пожалуй, в парикмахерской дамочка была давно. «Конечно, – едко начал Глеб Сергеевич, – когда ей по салонам шляться? Ей экскурсии проводить нужно! Посмотрите направо, посмотрите налево... тьфу! Наверное, в палеонтологическом музее работала – скелеты динозавров народу показывала. А что? Очень подходяще! Она с ними как раз одного возраста... Со скелетами. Или по Пушкину большая мастерица... «Я к вам пишу – чего же боле? Что я могу еще сказать?...» Ну и прочая дребедень для восторженных дурочек».

– Приехали, – сообщил он. – Какой дом нужен?

– Около ларька остановите, пожалуйста.

Воробьев выполнил просьбу и вздохнул с облегчением – отмучился!

– Пакеты не забудьте, – бросил он и выключил дворники. Сейчас вылезать будет три часа, если не больше...

Она чуть приподнялась, сунула берет в карман пальто, опустилась в кресло, замотала один шарф плотнее вокруг шеи, небрежно отправила волосы за уши и повернулась к Воробьеву. Коснулась тонкими пальцами его руки, заглянула в глаза и тихо произнесла:

– Вы сделали для меня очень много, поверьте... Огромное спасибо. К сожалению, у меня не так много денег...

– Ничего не надо! – выпалил Глеб Сергеевич, вдруг чувствуя странное тепло в груди, точно там кто-то поселился и дышит, дышит...

– Спасибо, огромное спасибо!

– До свидания, то есть прощайте.

– До свидания, – ответила она и улыбнулась. Морщинки вокруг голубых глаз стали заметнее, но усталость и печаль растворились в уголках губ. – С наступающими праздниками вас, хотя, наверное, еще рано...

– Спасибо, и вас также, – оборвал Воробьев и добавил: – Я тороплюсь.

– Да-да, – она отдернула руку, и он испытал короткое, но болезненное чувство потери, которому не стал искать объяснение. – Благодарю вас.

Подхватив свои вещи, случайная пассажирка выбралась из машины, огляделась и пошла в сторону белых и коричневых башен. Глеб Сергеевич опять включил дворники и некоторое время наблюдал за фигурой в длинном сером пальто.

– Не женщина, а сплошное недоразумение, – буркнул он, – попросила бы довезти до подъезда, так нет же! – он понял, почему она так поступила – не хотела обременять еще больше, не хотела затруднять его въездом во двор и выездом. Глупость, но, скорее всего, это правда. – Ненормальная, – бросил вдогонку Воробьев и рванул к офису.

К кабинету по ступенькам он поднимался неспешно, никак не удавалось уgomонить мельтешащие эмоции, мысленно он продолжал разговаривать с незнакомкой и от этого раздражался еще сильнее. «Валенки от волшебницы... Небось до сих пор в Деда Мороза верит...»

– Привет, па, – услышал он и устремил взгляд на секретарское место. За столом сбежавшей Натальи, подперев щеку кулаком, сидела Алька.

– Виделись, – ответил Глеб Сергеевич, хотя сейчас не мог точно припомнить, встречался он утром с дочерью дома или нет.

– Поговорить надо.

– Валяй, – махнул рукой Воробьев и остановился около двери.

– Замуж я не выхожу, передумала.

«Молодец, Костик, – похвалил Глеб Сергеевич несостоявшегося зятя. – И Андрюха молодец!»

– Ну и ладно, дальше что?

Он мудро решил не делать акцента на сообщении дочери, будто идея со свадьбой, назначенной на конец января, была самой обыкновенной шуткой, не заслуживающей внимания.

– Увольняюсь, – сообщила Алька и помахала заявлением, точно веером.

– Я категорически против, – на автомате сурово выдохнул Воробьев, но, вовремя сообразив, что пока дочери лучше не видеться с «отличником», передумал. Потом он ее запросто вернет, а Костика взашей выгонит – дело времени. – Но, с другой стороны, если тебе здесь не нравится...

– Не нравится, – подтвердила Алька. Поднявшись, она оставила лист бумаги на столе и направилась к лестнице. – Домой приду поздно, куча дел! – бросила она напоследок и, победно вздернув нос, ушла.

– И как у баб в голове все устроено? – задался Воробьев философским вопросом. – Не понимаю! – Переведя взгляд на секретарский стол, он поморщился и наигранно жалобно произнес: – И на кого ж ты меня покинула, Натаха...

* * *

Андрей любил возвращаться в свою квартиру, на Нагатинскую. Наверное, частые командировки научили его ценить уют и тепло родного дома. Последние два года пришлось помататься по миру, и съемное жилье, гостиницы, общежития порядком надоели.

Давно стемнело, и было особенно приятно включить свет в кухне и комнатах. В голове все еще жужжали мысли, связанные с работой, но тишина и покой уже начали расслаблять и отвлекать. Прошлую ночь Андрей почти не сомкнул глаз – пришлось перелопачивать гору литературы, и сейчас, выпив крепкого чая, он собирался немного полистать прессу, сделать несколько звонков, затем плюнуть на дела и лечь спать. Усталость неторопливо подбиралась ближе, и Андрей не стал мыть кружку, поставил ее в раковину и тут же забыл.

Пока он разъезжал по городам и странам, за квартирой приглядывала его двоюродная сестра, живущая неподалеку: поливала единственный цветок – фикус, кормила рыбок и, вероятно, укрепляла свою личную жизнь на данной территории. К этому Андрей относился с пониманием, так как сам в юности не имел возможности пригласить девушку к себе или еще куда-нибудь, где ночь прошла бы быстро и страстно. Теперь вот есть куда пригласить, но не хочется... С годами он стал более сдержан, разборчив и занят. За его плечами приличное количество мимолетных увлечений, пара длительных романов и один гражданский брак, закончившийся три года назад ничем. То есть в результате не оказалось даже взаимных обид и претензий – пусто, и никому уже ничего не нужно... Тогда, анализируя, Андрей пришел к выводу, что не любил умную и красивую Лилию, естественное желание иметь семью, детей, опять же страсть и прочие радости жизни толкнули их в объятия друг другу и связали на длительное время. А дальше не получилось... Она потом звонила пару раз, и он по инерции тоже, но на этом отношения закончились.

– Еще только девять, – потеряв ладонью колючую щеку, произнес Андрей, глядя на часы. День пролетел быстро, и если бы не бессонная ночь, он бы сейчас трудился в поте лица и не думал о сне, да и раздражался бы непременно, что ничего не успевает.

Вынув из шкафа чистое полотенце, Андрей направился в ванную, но... раздался требовательный перелив звонка.

Распахнув дверь, он увидел Алевтину Глебовну Воробьеву и удивленно приподнял брови.

– Добрый вечер, – поприветствовала она и легко, точно бывала здесь часто, шагнула в квартиру, сняла верхнюю одежду, небрежно отправила ее на кресло и прошла в комнату.

– Добрый вечер, – ответил Андрей ей в спину и, помедлив, направился следом. Разговор с Костиком мгновенно всплыл в памяти и отодвинул другие мысли в сторону, чувство вины ухнуло и затаилось. Положив полотенце на край стола, он спросил: – Чем обязан?

– Я вот подумала, – Алька развернулась на пятках и смело заглянула Андрею в глаза, – если вы расстроили мою свадьбу, то, может, вы на мне и женитесь, а? – Пожав плечами, мол, прогулка до загса – мероприятие пустяковое, она замерла, ожидая реакции на свои слова.

Еще утром Андрей знал: расплата неминуема, справедливость догонит и предъявит претензии строго по списку, но вот чего он точно не предполагал, так это того, что у этой самой справедливости будут длинные, постриженные ступеньками волосы медного цвета, зеленые глаза, густые ресницы, конопушки на переносице, чувственные губы...

Смелая девочка.

Пришла.

И правильно сделала.

Жаль, не захватила хоккейную клюшку, а то шандарахнула бы его по башке, и – считай, отмутился.

– Приношу свои извинения, – ответил он спокойно, не собираясь опускаться до низкосортного: «А что я сделал, да вы меня, многоуважаемая, неправильно поняли». Нет, он именно сделал, и она поняла правильно.

– А извинениями сыт не будешь, – развела руками Алька и усмехнулась.

Если бы она стояла перед ним глубоко несчастная, зареванная, не скрывающая своих горьких чувств, Андрей бы нашел носовой платок и принялся ее утешать, но дочь Глеба Воробьева все же оказалась стойким оловянным солдатиком, и пришла она не за сочувствием или утешением и даже не за скандалом... Она пришла его уничтожить, стереть с лица земли, она пришла посмеяться, хотя сердце наверняка плачет...

Андрей смотрел на нее пристально и... принимал бой. И, несмотря на обстоятельства, он хотел победить. Он разгадал ту загадку – по тону, словам, движениям – вот сейчас, теперь, и с этим нужно было что-то делать... Алевтина Воробьева вовсе не взбалмошная чудная малышка, которая капризничает и изводит окружающих, нет, она – женщина, умная, дерзкая, знающая очень много о человеческих слабостях, умело играющая на них...

Зачем, почему?

А так обычно отчаянные девчонки смотрят в лицо правде.

Сколько в эту минуту чувств бурлит в ее душе, какие мысли наслаиваются одна на другую, но она стоит, открытая всем ветрам, объявляет шах и ждет ответного хода.

– Тогда чего ты хочешь? – спросил Андрей.

– Для начала объясните, почему вы сделали это? – Ее глаза сверкнули.

– Потому что твой жених мне не понравился.

– А вы себе нравитесь?

– Нравлюсь, – ответил Андрей, сдержав улыбку.

– Тогда мое предложение остается в силе – женитесь на мне. – Алька сделала шаг, убрала руки за спину, чуть подалась вперед и кокетливо добавила: – Я вам буду очень хорошей женой,

и папочка одобрит наш брак. У вас же есть деньги? Не знаю, сколько вы зарабатываете наукой, но «Крона-Ка» – фирма прибыльная... Вы прекрасная, достойная кандидатура. А я – вообще подарок!

Алька сделала следующий шаг и щедро улыбнулась до ушей, старательно изображая чокнутую, которую не остановит даже скорый поезд. «Ну что, Андрей Григорьевич, не ожидали? Ага, а я вот такая, и вы от меня не отделаетесь! И в институт я к вам обязательно приеду как невеста, и на лекциях посижу, послушаю, чем вы там подрастающему поколению мозги пудрите, и вопросы задам при всех, и на Новый год припрусь! Будем мы с вами жить долго и счастливо... вместе! А когда вззоете, я про Костика напому... обещаю. А дальше – по кругу, день сурка!»

Эмоции у Альки зашкаливали, Андрея она знала мало и полагала, что, услышав ее слова, он смутится, забубнит оправдания, предложит все исправить или перекинет вину на ее отца. Победить будет несложно, главное – успеть насладиться моментом, чтобы прогнать собственную боль. Но Зубарев не смутился, он стоял напротив совершенно спокойный, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Только сейчас Алька разглядела его внимательно: без костюма Деда Мороза он, конечно, выглядел другим. Коротко стриженные темно-русые волосы, серые глаза, тонкие губы, волевой подбородок делали Андрея холодным – уж на ученого он точно не походил! – но взгляд был мягким, а внутреннее обаяние вообще сбивало с толку. Вроде ничего еще не совершил, лишь произнес несколько фраз, а морозной стужей уже не так веет... «Не имеет значения, – фыркнула про себя Алька. – Он мой враг!»

– Почему вы молчите, Андрей Григорьевич? – насмешливо спросила она, считая, что загнала его в тупик.

– Жениться я пока не собираюсь, – ровно ответил он.

– А почему?

– Жду большой и светлой любви.

– Так это же я! – она засмеялась. – Посмотрите внимательно. – Алька крутанулась на месте, давая Андрею возможность оценить точеную фигурку, стройные ноги, и добавила: – Предлагаю не откладывать соединение наших душ надолго, и раз вы лишили меня жениха, то давайте выполняйте его обязанности. Как вы считаете, это справедливо?

Андрей не совсем понял, что она имеет в виду, но, так как ведущей в спектакле была Аля и наблюдать за ней было очень увлекательно, он кивнул.

– Да, справедливо.

– Хорошо, я вообще не терплю ложную скромность и всякие формальности, – начала она, расстегивая пуговицы на кофте. – Вы привлекательны, я чертовски привлекательна... отличная фраза из отличного фильма! – Алька замерла на миг и серьезно спросила: – Где я могу лечь?

Кофта большой стремительной птицей полетела в кресло, Андрей проследил за ней и вновь посмотрел на гостью. «Интересно, что она снимет в следующий раз? Джинсы или футболку?» Теперь он понял, о каком соединении душ и обязанностях шла речь. Понял и опять сдержал улыбку. «Аля, Аля, твоя карта бита, я видел достаточное количество голых девушек, и краска стыда не зальет мои уши», – подумал Андрей, а вслух произнес:

– А зачем?

Он специально задал именно этот вопрос, а не сказал: «Диван в твоём полном распоряжении». Пусть полагает, будто его можно сбить с толку, смутить, довести до неловкости.

Алька поймала его взгляд, прищурилась. «Посмотрим, где будет ваше спокойствие через минуту, Андрей Григорьевич...» Ей нравилось называть его по имени-отчеству, точно она отправляла в его сторону дополнительную ядовитую стрелу, как же хотелось увидеть Зубарева раздавленным, бесконечно сожалеющим и извиняющимся... Ждать того же самого от отца бесполезно... Она была счастлива... почти... готовилась к свадьбе, мечтала... а теперь она одна...

Алька решительно сняла футболку, продемонстрировав белый кружевной лифчик, плюхнулась на диван, отодвинулась к стенке и легла – свободно, непринужденно. Секунду помедлив (а не стянуть ли и джинсы для полного триумфа?), улыбнулась и произнесла:

– Андрей Григорьевич, идите ко мне, пожалуйста. Лично я не намерена быть бесконечно одинокой из-за вашего неоправданного вмешательства в мою личную жизнь...

Да, Алка ждала победы, но Зубарев, обдав ее топким взглядом, снял рубашку, подошел к дивану и сел рядом.

– Через пару минут ты сбежишь, – ответил он и положил на ее плоский живот руку.

Ладонь оказалась тяжелой и горячей. Теплые ручейки бархатного возбуждения побежали по телу...

«Что он делает? – изумилась Алка, не в силах даже шевельнуться. – Он собирается... С ума сошел, что ли!» Теперь ей захотелось вскочить, схватить первую попавшуюся толстую книгу и треснуть Зубарева по голове... Или табуреткой хряпнуть по спине, или вылить на него ведро ледяной воды!

Но она не успела подхватить эту мысль, додумать хорошенько, представить в красках и лицах... События развивались стремительно, не оставляя свободных секунд – Андрей лег рядом, притянул ее к себе, затем уложил на спину, оказавшись сверху. Реальность качнулась, поплыла в сторону, а затем каждая черточка встала на свое место.

«Охренеть...» – мелькнула следующая мысль, и Алка почувствовала, как сильно колотится сердце. Ее или его? Или оба? Она уловила приятный мужской запах тела Андрея, распахнула глаза, переполненные удивлением и гневом одновременно, и встретила мягкий настойчивый взгляд серых глаз. В них не было смущения, не было смеха, в них мела метель, которая может убаюкать, а может и отморозить нос и пальцы.

Опустив голову, Андрей коснулся губами Алькиных волос, а затем шепнул в ухо:

– Ты уже готова сбежать?

Она проиграла...

– Идиот! – выдохнула Алка и забилась под ним. – Убери руки немедленно!

– А как же соединение душ?

– Забудь!

– А выполнение обязанностей жениха и мужа?

– Перебьешься!

Вот теперь Андрей позволил себе улыбку. Быстро поднявшись, он подхватил со стула рубашку, надел ее, не застегивая, и серьезно произнес:

– Относительно твоего разрушенного брака, считаю себя глубоко неправым и приношу извинения. За сегодняшнее просить прощения не буду. – Он подошел к креслу, взял футболку и кофту, вернулся к дивану и протянул и то и другое Алке. – Если тебе когда-нибудь понадобится помощь – обращайся, считай, что я тебе здорово должен.

– Непременно, – многозначительно пообещала Алка и вырвала вещи из его рук. Она все равно, все равно сделает жизнь Зубарева невыносимой...

Андрей следил за каждым ее движением, и чувство вины не отпускало. Но к этому добавилось еще одно чувство, которое, как он надеялся, исчезнет после холодного продолжительного душа...

Глава 4

Тук-тук, это я, Судьба!

Утром Алька пребывала в тихой задумчивости. Наверное находясь именно в таком состоянии, главнокомандующие считают потери, подтягивают войска ближе к линии фронта и объявляют новый набор добровольцев. После вчерашнего увольнения ей некуда было торопиться, воспоминания бурлили, и злость поднималась волной. Зубарев бы не посмел, все равно бы не посмел, а значит, если бы она не струхнула, то... Но кто же знал, что он не зануда-ученый, а... Называть Андрея нормальным мужчиной Алька категорически отказывалась.

Прослonyaвшись по квартире, проигнорировав завтрак, она устроилась в своей комнате на кровати с книжкой и попыталась читать.

Мысли о Костике под запретом, да, под запретом...

Неужели он ее совсем не любил?

Неужели джип и должность лучше, чем она?

Мысли о Костике под запретом, да, под запретом...

Но о Зубареве-то она может думать сколько хочет! Нужно найти номер его мобильного, на всякий случай... вдруг в голову придет гениальная идея, как ему отомстить... А можно разместить его координаты вместе с фотографией на сайте знакомств. Написать что-нибудь «милое», например: «Всю свою жизнь я занимался наукой, мало уделял внимания женщинам и не смог найти ту единственную, которая бы скрасила грядущую старость. Если вы – тощая, вредная, противная зануда или голодная столетняя вампириша, пожалуйста, позвоните по телефону...» Или: «Отчаялся найти жену! Помогите! Согласен на любую! Предпочтения отдаются престарелым Снегурочкам и Осыпавшимся Елкам!», а далее опять же номер телефона. Да, тогда пара недель пройдет относительно спокойно – чувство глубокого удовлетворения порадует приунывшую душу.

Алька отложила книгу, встала и направилась в комнату отца. Конечно, объявления она давать не станет, но какую-нибудь пакость обязательно устроит. Нетрудно.

Нужен номер мобильного.

На войне как на войне!

Собственно, долгими поиски не будут – Глеб Сергеевич Воробьев, потеряв однажды на светской вечеринке свой мобильник, утратив тем самым часть контактов, сильно расстроился, достал старую добрую телефонную книгу, стер с нее вековую пыль и исправно записал данные друзей– знакомых, добавив еще и даты рождения. Случилось это года три назад, и оставалось только надеяться, что у Зубарева номер не изменился.

Полистав страницы, Алька нашла то, что искала, и ехидно улыбнулась. Усевшись в кресло, вытянула ноги и увидела бумажные клочки, валяющиеся за мусорной корзиной около дальней ножки стола. Наклонившись, она автоматически подняла их и хотела уже выбросить, но на одном кусочке заметила маленького нарисованного шариковой ручкой снегиря и остановилась. Птичка была такой забавной и простой, что рука не поднялась отправить ее в мусорку, а тут еще и рукописный текст – почерк женский, пожалуй даже девчоночий...

«Интересно, кто пишет отцу письма со снегирями?»

Это казалось настолько невероятным и странным, что Алька в секунду сложила клочки, а дальше взгляд запрыгал по строчкам...

Здравствуйте, Глеб Сергеевич!

Мы с вами не знакомы, поэтому я сразу представляюсь. Меня зовут Кузнецова Дарья, я живу в Волгограде. Пусть вас не смущает моя фамилия, впрочем... это фамилия моего отца.

Трудно объяснить, и я понятия не имею, с чего начать... Вы знали мою маму, Привалову Ирину Юрьевну, даже собирались на ней жениться, а затем поругались вроде (так рассказывала бабушка), но потом все же родилась Алевтина, которая приходится мне старшей сестрой. Вы ее вырастили и воспитали... Спасибо!

И получается, что мама у нас одна, а отцы разные. Не такой уж редкий случай, как вам кажется? Только мы далеко друг от друга... Несправедливость какая-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.